

Данута Шимоник

Институт региональной культуры и литературоведческих
исследований им. Францишка Карпиньского, Седльце
ORCID: 0000-0003-0671-6619

Венера Аминева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
ORCID: 0000-0003-4016-2242

ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРА ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА *АНАФЕМА*

Литературное отражение мира главного героя в небольшом рассказе Александра Куприна *Анафема* (1913) сводится главным образом к его духовному измерению, хотя в произведении автор довольно много места уделяет также и внешнему облику персонажа. Всё это служит, однако, главной цели – представлению внутреннего мира, потрясений и переживаний отца Олимпия, страстного любителя читать, который в концепции А. Куприна был вынужден предать анафеме знаменитого писателя Льва Николаевича Толстого.

Как известно анафема имеет свою многовековую традицию в православной и в католической церкви и обозначает самое строгое наказание провинившихся по отношению к церковным догматам. С этой исторической традицией пришлось измерить себя герою купринского рассказа, под заглавием *Анафема*.

Высказывания некоторых исследователей, например Александра Ткаченко¹ и Елены Сузрюковой², свидетельствуют, что

¹ А. Ткаченко, *Проклятие, которого не было. Церковь и Толстой: история отношений* <https://foma.ru/proklyate-kotorogo-ne-byilo.html>, [дата доступа: 20.03.2020].

² Е. Сузрюкова, *Анафема в рассказе А.И. Куприна «Анафема» и В.А. Никифорова-Волгина «Торжество Православия»*, „Культура и текст“, № 4, 2017 (31), с. 170. Данная статья построена на противопоставлении точек зрения, названных в заглавии работы авторов, на проблему праздника *Торжество Православия*, в чин которого входит провозглашение анафемы. Проблема рассмотрена с позиции православной церкви и трактуется как «врачующий» акт изоляции от сообщества верующих и в отношении анафемствованного, и в отношении сообщества верных (см. с. 168). Естественно, что анализ купринского

данный рассказ не историчен и основан на полном вымысле. Мы не до конца согласны с такой трактовкой, поскольку почти все купринские произведения основаны на жизненном материале. Большая его доля нашла своё отражение и в рассказе *Анафема*, что будет доказано ниже. Конечно, в любом литературном произведении имеем дело с художественным вымыслом, который

не претендует на то, чтобы быть истинным, но и не является ложью. Это особый род художественной условности, и автор произведения и читатели понимают, что описываемых происшествий и героев в действительности не было, но вместе с тем воспринимают изображаемое как то, что могло бы быть в нашей повседневной земной жизни или в каком-то другом мире

– читаем в *Литературной энциклопедии*³.

Следует добавить, что, как правило, плод художественного воображения имеет толчок в реальности. Так было и в случае с рассказом *Анафема*, написанном в Гатчинский период, наряду с такими известными произведениями, как *Гамбринус*, *Гранатовый браслет*, *Телеграфист*, *Мой полёт* и др.

В Гатчине Куприн часто посещал Собор Св. Павла, увлекаясь прекрасным церковным песнопением. Он дружил со священниками Павловского собора, отцом Александром и протодьяконом Амвросием, знаменитым соборным басом, у которого писатель однажды увидел на полке книги Льва Толстого. Как справедливо сказано в одной из интернет-статей: «заиграло бурное воображение А.И. Куприна. Он давно мечтал написать рассказ, посвящённый гению Толстого»⁴.

рассказа проводится в этом же ракурсе. Наша интерпретация расходится с постановкой вопроса Сюзрюковой, ибо зиждется на попытке объективного прочтения текста произведения, отталкивающегося, с одной стороны, от действительных фактов, с другой – от текста, основанного на необычайной фантазии автора, не скрывающего своей симпатии и к Толстому и к священнику Олимпию, который, как справедливо заметила Сюзрюкова, отторгнув себя от церкви, повторяет путь своего идола.

³ *Литературная энциклопедия в 11 томах*, Москва 1929–1939, https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4931, [дата доступа: 18.02.2020].

⁴ Самый прелестный уголок около Петербурга, <http://history-gatchina.ru/town/kuprin/kuprin3.htm>, [дата доступа: 18.02.2020].

Итак, главными импульсами к написанию рассказа были реальные события и люди. В рассказе *Анафема* протодьякон Амвросий явно послужил прототипом главного героя – отца Олимпия, в котором – с уверенностью можно сказать – запечатлены также черты самого Куприна и его литературные, музыкальные и театральные интересы. Кстати, стоит напомнить, что среди купринских образов ярко выделяются фигуры артистов, с их характерной внешностью, моделью поведения и голосом⁵. Своеобразным «артистизмом» наделяется и отец Олимпий. Его появление в церкви сравнивается с приходом в театр знаменитого баритона, пробовавшего перед публичным выступлением свой голос. Об артистической натуре отца Олимпия свидетельствует, например, следующая характеристика героя:

В нём проснулась настоящая гордость любимца публики, баловня всего города, на которого даже мальчишки собирались глазеть с таким же благоговением, с каким они смотрят в раскрытую пасть медного геликона в военном оркестре на бульваре (...). Стоял он на своём возвышении, огромный в золотом парчовом не гнувшемся стихаре, с чёрными с сединой волосами, похожими на львиную гриву, и время от времени постоянно пробовал голос⁶ (658-659)⁷.

Здесь сразу возникает ассоциация с олимпийским богом (не случайно Куприн дал своему герою имя Олимпий). В приведённом фрагменте герой превосходит прихожан своим огромным ростом, одеянием и местонахождением на возвышении. С высока он, как древнегреческий бог, а также, как и большинство купринских актёров,

⁵ Об интересе Куприна к театру см. D. Szymonik, *Александр Куприн и театр: артисты и злодеи в творчестве писателя*, [в:] *Homo ludens в европейской культуре. Шекспир и современность. Homo ludens w kulturze europejskiej: Szekspir i współczesność*, „Colloquia Litteraria Sedlcensia”, Т. XXVII, Siedlce 2018, с. 259-269.

⁶ А.И. Куприн, *Собрание сочинений в шести томах*, т. IV. *Произведения 1905-1914*, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва 1958, с. 658-659. Далее ссылки на это изданию даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

⁷ Отметим, что выражения «чёрные с сединой волосы», «львиная грива» или просто «грива» появляются в раннем произведении Куприна под заглавием *Последний дебют* (1889). Стоит также отметить вслед за Сузрюковой, что львиная грива вызывает ассоциации с именем Толстого.

наблюдает за публикой, мысленно оценивая её и мысленно же выражая своё, необязательно положительное, мнение о ней⁸.

Возвращаясь к генезису рассматриваемого произведения, следует подчеркнуть, что важным поводом к написанию рассказа было отлучение, или же, как было сказано в долго подготавливаемом синодальном документе, отпадение Льва Толстого от церкви. Нетрудно догадаться, что Куприн, хотя и непосредственно не высказывался по этому поводу, явно сочувствовал великому писателю и не мог одобрить резких на него атак. Куприн обожал Толстого, особенно восхищался повестью *Казаки*, которую перечитывал множество раз, плача от умиления и радости. Похожие чувства ощущает и его герой – отец Олимпий, который должен совершить в церкви обряд анафематствования („чина православия”). Отметим, что накануне герой читает любимую Куприным повесть Толстого.

В этой связи автор-повествователь отмечает:

Это чтение взбудоражило стихийную протодьяконскую душу. Три раза подряд прочитал он повесть и часто во время чтения плакал и смеялся от восторга, сжимая кулаки и ворочался с боку на бок своим огромным телом (657-658).

Здесь ещё раз следует обратить внимание на указанный выше автобиографический момент. Поведение протодьякона сродни купринскому отношению к толстовской повести. И автор и его герой одинаково сильно переживают и воспринимают образ мира и персонажей, изображённых в ранней повести Толстого *Казаки*. В случае с протодьяконом повесть настолько взволновала душу героя, что на следующий день, в первую неделю великого поста, во время анафематствования,

его мысли не могли отвязаться от этой повести (...), и постоянно в его уме, с необычайной яркостью, всплывали простые, прелестные

⁸ Об особенностях изображения Куприным театра и актёров речь идет в нашей статье. Александр Куприн и театр: артисты и злодеи в творчестве писателя, [w:] *Homo ludens в европейской культуре. Шекспир и современность. Homo ludens w kulturze europejskiej: Szekspir i współczesność*, „Colloquia Litteraria Sedlcensia” 2018, т. XXVII, s. 259-269.

и бесконечно увлекательные образы. Но безошибочно следуя привычке, он уже окончил символ веры, сказал «аминь» и по древнему ключевому распеvu возгласил: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди» (660).

Затем, согласно строгим требованиям архиепископа, следовал длинный обряд отлучения от церкви и поимённые проклятия иконоборцев и еретиков, русских раскольников, бунтовщиков и изменников. Повествователь останавливается на способе чтения протодьяконом полагающегося текста из канона Андрея Критского, из чина погребения и др. Произнося слова проклятия, Олимпий, как отмечает повествователь, «сотрясал своим львиным рёвом собор», заставлял «звенеть стёклышки на люстрах». В другом месте слова проклятий сравниваются с ударами огромного медного колокола.

В рассказе Куприн прибегает к излюбленному им приёму контраста: на возгласы Олимпия хор отвечал «нежными, стонущими, ангельскими голосами», – констатирует субъект повествования. Важным приёмом являются также неожиданные повороты сюжета. В момент, когда Олимпий заканчивал обряд отлучения от церкви многочисленного списка лиц, псаломщик вручил ему записку от отца протоиерея, в которой было поручение владыки «анафемствовать боярина Льва Толстого».

Стоит заметить, что очень часто сигналом поворота сюжета в художественном произведении является выражение «и вдруг». Куприн также следует этому принципу. Приведём цитату:

И вдруг Олимпий почувствовал, что волосы у него на голове топорщатся в разные стороны и стали тяжёлыми и жёсткими, точно из стальной проволоки. И в тот же момент с необыкновенной ясностью всплыли прекрасные слова вчерашней повести (661)⁹.

⁹ Мы не до конца согласны с интерпретацией данного фрагмента Сузрюковой, которая считает, что это признак болезненного и неживого состояния (с. 171). По нашему мнению, здесь более адекватным кажется обратное прочтение. Неживой не может чувствовать, а в приведённом отрывке сказано: «Олимпий почувствовал» и дальше повествователь ссылается на живую память героя: «И в тот же момент с необыкновенной ясностью всплыли прекрасные слова вчерашней повести». Если говорить о болезненном состоянии, то оно вскоре появляется. («Лицо его стало синим, почти чёрным, пальцы

С психологической точки зрения ощущения героя выражает его всполошенное, вышедшее из равновесия состояние. Роня потрясающие слова проклятия, протодьякон в ужасе думает: «Боже мой, кого это я проклиная (...) Неужели его? Ведь я же всю ночь проплакал от радости, от умиления, от нежности» (661).

Отражением внутреннего мира героя в трудный для него момент является описание внешнего вида и поведения персонажа: «Лицо его стало синим, почти чёрным, пальцы судорожно схватились за перила кафедры (...)» (662).

Несмотря на фактически болезненное состояние, герой – пишет Куприн – напрягая всю мощь своего громадно голоса, начал торжественно:

– Земной нашей радости, украшению и цвету жизни, воистину Христа соратнику и слуге боярину Льву...

Он замолчал на секунду. А в переполненной народом церкви в это время не раздавалось ни кашля, ни шёпота, ни шарканья ног. Был тот ужасный момент тишины, когда многосотенная толпа молчит, подчиняясь одной воле, охваченная одним чувством. И вот глаза протодьякона наполнились слезами и сразу покраснели, и лицо его на момент сделалось столь прекрасным, как прекрасным может быть человеческое лицо в экстазе вдохновения. Он ещё раз откашлянулся, попробовал мысленно переход в два полутона и вдруг, наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел

– ...Многая ле-е-е-та-а-а (663).

И так, под влиянием настоящего искусства и сцен из Толстовской повести, которые запомнились о. Олимпию в силу хорошей памяти, в нём происходит внутренний перелом, взросление души. И вместо того, чтобы по обряду анафемствования опустить свечу вниз, он высоко поднял её вверх, и вместо проклятия провозгласил славу знаменитому писателю.

И здесь отчасти можно согласиться с замечаниями Ткаченко и Сузрюковой, что рассказ построен на вымысле. Действительно, обряд анафемствования Льва Толстого не был совершён ни в одной

судорожно схватились за перила кафедры (...)» 662). Однако, как мы пишем в главном тексте, герой смог взять себя в руки и довести свой «план» до конца.

церкви, хотя в 1901 году в печати появилось извещение Святейшего правительствующего синода о том, что граф Лев Толстой более не является членом Православной Церкви в силу публично высказываемых убеждений, несовместимых с её учением. Документ под названием *Определение Святейшего Синода о графе Льве Толстом от 20-22 февраля 1901* был напечатан в 8 номере официального органа синода «Церковные ведомости».

Нужно напомнить, что попытки отлучения писателя от церкви предпринимались намного раньше. В 1888 году архиепископ Никанор обращался к Александру III с просьбой провозгласить Льву Толстому «торжественную анафему». Через несколько лет просил об этом также харьковский протоиерей Тимофей Буткевич. Количество нападок на «еретика» Толстого из года в год увеличивалось. На сторону обвинителей встал также обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев. Однако царь, опасаясь общественных волнений, а также по многим другим причинам, о чём довольно подробно пишут Борис Кли¹⁰ и Георгий Протоиерей Ореханов¹¹, отклонил предложение церковных сановников. И только после смерти государя Победоносцеву удалось частично осуществить давно построенный план. Частично, потому что, как мы писали выше, в храмах анафемы не произошло.

Из вышесказанного следует, что названный выше документ об отлучении Толстого от Церкви готовился отдельными этапами, которые перечисляются Г. Орехановым. Изученные протоиереем материалы показывают, что это был продолжительный многолетний и сложный процесс, начало которого, как мы отметили, относится ещё к 1888 году, когда о проекте в Синоде отлучения Льва Толстого от Церкви пишет профессору Николаю Гроту архиепископ Херсонский Никанор. С этим проектом он обращался и к Александру III. Затем, через три года, т.е. в 1891 г., с предложением – а вернее – требованием

¹⁰ Б. Кли¹⁰, *Анафема Льву Толстому: «Убрать моё тело без заклинаний и молитв»*, <https://www.pravmir.ru/lev-tolstoj-ubrat-moe-telo-bez-zaklinanij-i-molitv/>, [дата доступа: 18.02.2020].

¹¹ Г. Протоиерей Ореханов, *Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой. Конфликт глазами современников*, <https://religion.wikireading.ru/90276>, [дата доступа: 18.02.2020].

передать писателя анафеме выступил в своей речи *О лжеучении графа Л.Н. Толстого* упомянутый выше харьковский протоиерей Т. Буткевич. В 1896 году (с датой 26 апреля) о предстоящей и не минуемой, как можно было уже предполагать, анафеме, пишет в письме знаменитому педагогу, основателю школы для крестьянских детей, Сергею Рачинскому¹² Константин Победоносцев. Следовательно, призыв отлучить Толстого от церкви прозвучал также в 1897 году, во время третьего миссионерского съезда в Казани. В этом же году Ясную Поляну навещает протоиерей Д. Троицкий, чтоб напутствовать Толстого. Однако – как заявляет Ореханов – ни одна из этих инициатив не была осуществлена. Далее священнослужитель сравнивает документы, которые позволили ему реконструировать историю отлучения Толстого от Церкви. Нужно отметить, что в них требование наказания великого писателя было выражено в довольно резкой форме.

Первым из названных документов является *Проект постановления об отлучении Л.Н. Толстого архиепископа Амвросия (Ключарева)*, опубликованный в 1899 году в журнале «Вера и Церковь», вскоре после выхода в свет Толстовского романа *Воскресение*. Ореханов отмечает, что по стилю этот документ напоминает харьковские проповеди Амвросия, направленные против представителей интеллигенции. Автором рассматриваемой книги приводятся выдержки из брошюры харьковского священнослужителя с характерным заглавием: *О религиозном сектантстве в нашем образованном обществе*, и с характерными выражениями: «ложно понятая наука», «ложное просвещение» и др. В преамбуле к проекту было сказано, что Господь заранее предупредил своих учеников о появлении различных «еретиков, лжеучителей и совратителей». Автор документа объявляет Л.Н. Толстого и всех, кто будет увлекаться его сочинениями, врагами Православной Церкви.

¹² Стоит обратить внимание на факт, что после ухода из Московского университета С.А. Рачинский организовал в своём доме на Малой Дмитровке встречи с учёными, художниками и литераторами. Одним из гостей был Лев Толстой. Беседы со знаменитым писателем обратили внимание Рачинского на проблемы народного просвещения. В 1872 году он вернулся в родовое село Татево, где основал школу и общежитие для крестьянских детей. Организации их обучения Рачинский посвятил свою дальнейшую жизнь.

Второй рассматриваемый протоиереем документ – это *Секретное циркулярное письмо первенствующего члена Св. Синода митр. Иоанникия (Руднева) по поводу болезни и возможной смерти Л.Н Толстого*, который говорит о том, что в случае смерти писателя Св. Синод запрещает совершать заупокойные литургии, поминовения и панихиды. Письмо, предназначенное лишь для церковной иерархии, не могло быть напечатано в форме официальной публикации, однако оно проникло за границу и было напечатано сначала в Швейцарии, а затем в Англии и Франции. Определённый свет, по мнению Ореханова, бросили на дело Толстого, опубликованные в «Колоколе» воспоминания Василия Скворцова, составителя, опубликованной в 1903 году книги *По поводу отпадения от православной Церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сборник статей «Миссионерского Обозрения»*. Свидетельство Скворцова указывает на некоторые важные аспекты дискуссии по поводу отрешения Толстого от Церкви, например, на факт, что доклад Дмитрия Мережковского о Толстом, прочитанный на заседании Петербургского философского общества, сопровождался «протолстовскими» комментариями известного в Санкт-Петербурге священника Григория Петрова, большого поклонника автора *Казаков*. Скворцов считает, что в деле отлучения писателя от церкви главную роль сыграл владыка Антоний Храповицкий, не один раз выступавший с острой критикой по поводу писателя. Как полагает Скворцов, он и убедил митрополита Антония Вадковского, который был в это время первенствующим членом Св. Синода, в необходимости наказания Толстого. По мнению миссионера, обер-прокурор Победоносцев, вопреки бытующим убеждениям, не имел непосредственного отношения к идее отлучения Толстого, но как автор официальных документов, был вынужден составить акт.

В книге Ореханова рассматривается также *Слово в Неделю православия, произнесённое в Исаакиевском кафедральном соборе 18 февраля 1901 г. Слово...* было произнесено с амвона собора архимандритом Тихомировым, ректором Петербургской семинарии в Неделю православия, т.е. в первое воскресенье Великого поста. Хотя в проповеди имя Толстого не упоминалось, но, как справедливо полагает Ореханов, умеренный приговор писателю был произнесён.

Основной целью *Слова...* было, с одной стороны, объяснение смысла анафемы, наложенной на тех, кто отлучил себя от Церкви, с другой – подготовить общество к предстоящему акту отлучения. В выступлении архимандрита указывалось на возможность вернуться в лоно церкви для заблудившихся после покаяния. Вместе с тем подчёркивалось, что для тех кто упорно пребывает в заблуждении не может быть снисхождения; по отношению к ним будут предприняты суровые меры.

Следует отметить за Орехановым, что в машинописном Проекте *Дело Св. Синода 1901 г.* вычеркнуты наиболее резкие слова и выражения. В окончательном варианте синодального акта в деле Толстого отсутствует также слово «отлучил». Оно заменено выражением «отторгнул». Тем не менее акт исключает, в случае смерти писателя, возможность христианского погребения и заупокойных молитв.

Документ об отлучении/отпадении Толстого от всех церковных таинств вызвал многие отклики и противоположные реакции: от негодования до одобрения. Писателя защищали и оправдывали такие известные представители культуры, как Иван Бунин, Владислав Ходасевич, богослов, литературный и музыкальный критик Владимир Ильин, который писал: «Приближаясь к последнему периоду своей жизни и творчества, Толстой, несомненно, стал опять возвращаться к вере и Церкви»¹³. В свою очередь главные церковные сановники строго осуждали Толстого и его приверженцев – толстовцев. Несмотря на перспективу отлучения, Толстой не менял своей позиции по отношению к церкви и её догматам (об этом свидетельствует, между прочим, и его ответ Св. Синоду). Он до конца жизни остался верен своим убеждениям.

Вопрос об отпадении Толстого от Православной церкви до сегодняшнего дня вызывает дискуссии, а иногда и острые споры. В этих дискуссиях нередко присутствует слово «анафема», которое лучше всего передаёт смысл действий, затеянных вокруг личности писателя. Мы до сих пор помним, что в школьных учебниках в разделах, посвященных

¹³ Цит. за Г. Орехановым. <https://religion.wikireading.ru/90276>, [дата доступа: 18.02.2020].

биографии Толстого, подчёркивались его идеи непротивления злу насилием и самоусовершенствования души человека, что, по-нашему мнению, вовсе не противоречит христианству.

Любовь Толстого к божьему созданию прекрасно передаёт Александр Куприн в проинтерпретированном выше рассказе *Анафема*. Священнослужитель Олимпий запомнил те страницы из толстовской повести *Казаки*, в которых Ерошка проявляет особую чуткость по отношению к ночным бабочкам; он жалеет их и нежным голосом пытается предупредить об опасности огня свечи. Подобными качествами наделяется и протоиерей Олимпий. Огромный вес, «грудная клетка – точно корпус автомобиля, «страшный голос» уживаются в нём «с нежной снисходительностью по отношению к слабым». Кроме того, этот «великан» искренне боялся своей маленькой худенькой жены, которая «обращалась со своим мужем чрезвычайно строго» (656). Как уже упоминалось выше, внутренний переворот происходит в герое, в момент, когда он осознал, что никак не может осудить автора *Казаков* и пересилив себя, вместо того, чтоб по указанию церкви опустить свечу вниз, он поднял её вверх и вместо анафемы пропел любимому писателю славу.

В изображении А. Куприна реакция на поведение отца Олимпия оказалась неоднозначной¹⁴. Мальчишки подхватили слова протоиерея и вместо унылого пения «радостно, точно серебряные звуки архангельских труб они кричали на всю церковь: Многая, многая, многая лета» (663). Регент волновался: «шипел» на мальчишек и «колотил их камертоном по головам», короче говоря, в церкви произошло нечто неожиданное и необычное, что привело к нарушению обычного церковного порядка в первое воскресенье Великого поста. К отцу Олимпию на кафедру взобралось несколько обеспокоенных лиц: отец настоятель, отец благочинный, консисторский чиновник, псаломщик и сильно взволнованная дьяконица. Отстраняя всех, главный герой в одном коротком предложении выразил суть происшедшего и своё отношение к Богу и человеку: «– Я сорвал себе голос, но это во славу Божию и его» (663),

¹⁴ Здесь можно увидеть параллель с реакциями на документ о лишении Толстого членства в Православной церкви.

чем подтвердил убеждённую в беспроvinности своего поступка. Затем Куприн, как и в начале рассказа, прибегает к театрализации и привносит в текст произведения элементы сценического представления:

Он снял в алтаре свои парчовые одежды, с умилением поцеловал, прощаясь, орарь, перекрестился на запрестольный образ и сошёл в храм. Он шёл, возвышаясь целой головой над народом, большой, величественный и печальный, и люди невольно, со странной боязнью расступались перед ним, образуя широкую дорогу. Точно каменный, прошёл он мимо архиерейского места, даже не покосившись туда взглядом, и вышел на паперть (663-664).

В приведённом фрагменте обращают на себя внимание пластичность образа и наличие глаголов движения, которые отражают динамику происходящего, решительность и целенаправленность действий священника. Его уже не пугают ругательства и отчаянные вопли жены, выбежавшей вслед за ним из церкви. Наоборот, это она, первый раз в жизни, испугалась его «расширенных воловьих гневных глаз» и тяжело и сурово произнесённого междометия: «– Ну?!», в котором содержался и подразумеваемый вопрос (чего пристала, что тебе нужно) и восклицание, вселяющее в дьяконицу страх и зарождавшееся чувство смирения.

Итак, А. Куприн руководимый четырьмя, как можно предполагать, основными факторами (дискуссиями вокруг отлучения Толстого от Церкви, долго вынашиваемым желанием написать произведение о нём, личным знакомством с отцом Александром и протодьяконом Амвросием – «прототипами» о. Олимпия, и наконец своим воображением) создал образ священника, который нашёл в себе силы супротивиться мнению высших сановников. Истинная вера в Христа и в апостольскую церковь не помешали, а скорее помогли купринскому герою увидеть красоту и добро в творчестве писателя, под влиянием которого взрослеет и преображается душа священника. Таким способом, посредством пластически обрисованной художественной фигуры о. Олимпия Куприн отдал дань великому классику.

Библиография

- Szymonik D., *Александр Куприн и театр: артисты и злодеи в творчестве писателя*, [в:] *Homo ludens в европейской культуре. Шекспир и современность. Homo ludens w kulturze europejskiej: Szekspir i współczesność*, „Colloquia Litteraria Sedlcensia” 2018, т. XXVII, s. 259-269.
- Бабурина Т.С., *Самый прелестный уголок около Петербурга* <http://history-gatchina.ru/town/kuprin/kuprin3.htm>, [дата доступа: 18.02.2020].
- Клин Б., *Анафема Льву Толстому: «Убрать моё тело без заклинаний и молитв»* <https://www.pravmir.ru/lev-tolstoj-ubrat-moe-telo-bez-zaklinanij-i-molitv/>.
- Куприн А.И., *Собрание сочинений в шести томах*, том четвёртый. Произведения 1905-1914, Москва 1958.
- Литературная энциклопедия в 11 томах*, Москва 1929-1939, https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4931, [дата доступа: 18.02.2020].
- Ореханов Г., *Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников*, <https://religion.wikireading.ru/90276>, [дата доступа: 18.02.2020].
- Сузрюкова Е. *Анафема в рассказах А.И. Куприна «Анафема» и В.А. Никифорова Волгина Торжество православия*, <https://cyberleninka.ru/article/n/anafema-v-rasskazah-a-i-kuprina-anafema-i-v-a-nikiforova-volgina-torzhestvo-pravoslaviya>, [дата доступа: 18.02.2020].

THE SPIRITUAL DIMENSION OF THE HERO'S WORLD IN THE STORY *ANATHEMA* BY ALEXANDER KUPRIN

Abstract: This article focuses on interpretation of the short story “Anathema” by Alexander Kuprin from the point of view of the main hero’s spirituality. The protagonist Father Olimpiy finds himself in a difficult situation: he has to excommunicate Lev Tolstoy, his favourite writer, from the Orthodox Church. In Russian Literature Studies there is a thesis that the story is “not historical but based on pure fiction”. However, the authors of this article do not completely agree with this position and provide evidence that the short story is based on real events and people. In their interpretation of Father Olimpiy’s image they take into account such literary strategies, as unexpected plot changes and the method of contrast, which contribute to the transformation of the character. The authors emphasize that the main hero’s spiritual maturity takes place under the influence of Good and Beauty discovered by him in Tolstoy’s novel *The Cossaks* (*Казаки*).

Keywords: *Alexader Kuprin, Anathema, Lev Tolstoy*